

УДК 821.161.1
DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-63-71

**Повесть Всеволода Иванова «Возвращение Будды»:
символика названия**

Р. Банерджи

*Университет им. Джавахарлала Неру
Нью-Дели, Республика Индия*

Аннотация

Начиная с XIX в. многие писатели и поэты проявляли интерес к духовным ценностям Востока, в том числе к Индии. Буддизм, религиозно-философское учение Гаутамы Будды, возникшее в середине I тыс. до н. э. как реакция на любой догматизм, привлекало особое внимание многих русских писателей, от Льва Толстого до популярного писателя-постмодерниста Виктора Пелевина, и нередко становилось предметом их творчества. Особое место среди таких писателей занимает Всеволод Иванов (1895–1963), который всю свою жизнь увлекался Индией и индийскими духовными учениями, в том числе и буддизмом. Всеволод Иванов, родившийся в Павлодарском крае (современный Казахстан), в годы Гражданской войны жил и много ездил по Сибири и Дальнему Востоку; в советскую литературу он вошел как участник литературного объединения «Серапионовы братья». Его тяга к Востоку, и в первую очередь к буддизму, вытекает из уникального расположения его родного края, являющегося частью Евразии, местом слияния европейского мира и азиатской культуры. В тревожные годы начала XX в. Всеволод Иванов искал решение проблемы «Россия и Запад» в восточной философии, и это является основной темой некоторых его произведений того времени. Одним из таких произведений является повесть «Возвращение Будды» (1923). В этой повести идет речь о физическом и духовном странствии героев. Статуя Будды по-разному воспринимается персонажами, сопровождающими ее из Петрограда в Монголию. Для одних она – воплощение высшей духовной силы, а для других – ценная, но материальная вещь, предмет купли-продажи.

Ключевые слова

Будда, буддизм, странствие, Запад, Восток

Для цитирования

Банерджи Р. Повесть Всеволода Иванова «Возвращение Будды»: символика названия // Сюжетология и сюжетология. 2020. № 2. С. 63–71. DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-63-71

© Р. Банерджи, 2020

ISSN 2410-7883
Сюжетология и сюжетология. 2020. № 2
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2020, no. 2

The Story of Vsevolod Ivanov's "Return of the Buddha": Symbolism of the Title

R. Banerjee

*Jawaharlal Nehru University
New Delhi, Republic of India*

Abstract

Since the 19th century, many writers and poets have shown interest in the spiritual values of the East, including India. Buddhism, the religious and philosophical teachings of Gautam Buddha, emerged in India in the First Millennium BC as a reaction against dogmas. It attracted the special attention of many Russian writers, from Leo Tolstoy to the most popular contemporary postmodernist writer, Victor Pelevin; often has been the subject of their creative work. The eminent writer from Siberia, Vsevolod Ivanov, holds a special place among these writers. Throughout his life, he engaged himself in the study of India and Indian spiritual teachings, including Buddhism. His admiration for Eastern philosophy (especially Buddhism) in all probability stemmed from the unique location of his Eurasian native land, which was the merging point of European and Asian culture. In the troubled years of early twentieth century, Vsevolod Ivanov was looking for a solution to the problems of the West (Russia) in Eastern philosophy, and some of his works were woven around this topic. The story "The Return of the Buddha" is one of them. The story deals with the physical and spiritual journey of a few during the turbulent times of the Civil war in Russia. The statue of Buddha is perceived in different ways by the characters accompanying it. For some, the statue signifies the supreme spiritual power, and for others, it is just one of the objects of the material world.

Keywords

Buddha, Buddhism, journey, West, East

For citation

Banerjee R. The Story of Vsevolod Ivanov's "Return of the Buddha": Symbolism of the Title. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2020, no. 2, p. 63–71. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-63-71

В русской литературной среде начиная с XIX в. отмечается особый интерес к духовным ценностям Востока, в том числе к Индии. Мир Востока особенно привлекал поэтов и писателей Серебряного века; он часто становился темой и предметом их творчества.

Буддийское учение занимает особое место в ряду этих восточных веяний. Р. Ф. Бекметов отмечает: «На рубеже XIX–XX столетий буддийские образы заняли устойчивую нишу в русском литературно-эстетическом и философском творчестве, став элементом ориентальной мифологии в индивидуально-творческом преломлении» [Бекметов, 2013, с. 173].

Буддизм, религиозно-философское учение Гаутамы Будды, возникшее в Индии в середине I тыс. до н. э. как реакция на догматику, по историческим справкам, проник в Россию в XVII в. и позже распространился на территории Забайкалья и среди народов Калмыкии, Бурятии, Алтая. Буддийская философия привлекала внимание многих русских писателей, от Льва Толстого до популярного писателя-постмодерниста Виктора Пелевина. Л. Н. Толстой, И. А. Бунин, Д. Н. Мамин-Сибиряк, К. Д. Бальмонт, В. В. Хлебников, М. А. Волошин, В. О. Пелевин, Б. Акунин (Г. Ш. Чхартишвили) – вот лишь некоторые имена русских писателей, которые

касались идей и мотивов буддизма. Особое место среди них занимает Всеволод Иванов.

Идолы Индии, многорукие, многоликие, разумеется, среднелобому интеллигенту могут казаться вздором и недоработанностью. Без зазрения совести, – и по своему правый, – он отрубит им руки и ноги и оставит по одной паре, согласно законам логики и реализма. Впрочем, я сам часто рубил себе эти руки и ноги, находя, что на двух ногах мне идти легче [Иванов, 1985, с. 290].

Эти слова во многом определяют суть повести Всеволода Иванова «Возвращение Будды» (1923), воспевающей Восток, его идеологию и духовный мир. Они могли бы быть ей предпосланы как эпиграф.

Писатель Всеволод Иванов (1895–1963), уроженец Семипалатинского уезда Степного генерал-губернаторства (ныне территория Республики Казахстан), много живший в Сибири и писавший о ней, всю жизнь увлекался Востоком. Напомним лишь о позднем романе писателя «Мы идем в Индию» (1956, 1959). Разъясняя причину восторженного увлечения Иванова Востоком, эмигрантский критик Марк Слоним отмечал:

Биография Иванова и отражается в его творчестве. Он сразу начал говорить о том, что видел и пережил, и вместе с тем в молодую пореволюционную литературу вошел жестокий и трудный мир гражданской войны и бурных народных движений. <...> Действие рассказов и повести Иванова первого периода его творчества разворачивается на русском Востоке, в Сибири, в Монголии, на границах Китая, в азиатских степях и равнинах. Он точно задался целью описать этот полудремлющий мир, в котором встретились под русским влиянием Азия и Европа. Он именно к Евразии обращен [Слоним, 1933, с. 63–64].

«Партизаны», «Бронепоезд 14-69», «Дитё» (все – 1921), «Цветные ветра» (1922) – вот некоторые из его произведений, действие в которых происходит на Востоке. Следует подчеркнуть особую тягу этого великого писателя к философии и культуре Индии, в том числе к учению индийского отшельника Будды. По свидетельству сына писателя, в 1958 г. Иванов путешествовал по Забайкалью, где разговаривал с ламами о буддизме. Учение Будды произвело такое сильное впечатление на Иванова, что Будда явился ему в предсмертном видении в больнице. Он рассказал, как якобы «...Будда, приняв облик университетского здания, подошел к больнице, и они беседовали о том, что автор успел сделать в жизни, и о волновавшей его Славе» [Иванов, 2010, с. 405].

Буддизм, вероятно, привлекал Иванова, жившего в бурный период истории России, всепринятием и всестерпимостью, умением справиться с внутренней бурей, страданием и корыстью. Друг писателя, Виктор Шкловский, даже находил отражение Будды в самом облике и в складе личности Иванова. Он отмечал: «Всеволод был человеком огромного художественного темперамента, соединенного с спокойствием Будды; самоуглубленный, свободный, сотворенный природой так, как она спокойно творит кристаллы» (цит. по: [Иванова, 1990, с. 3]).

Повесть «Возвращение Будды» была опубликована в 1923 г. В 1927 г. автор подготовил другую редакцию, которая вышла в свет в 1928 г. и трижды переиздавалась (1931, 1933, 1938). При жизни автора повесть была напечатана еще один раз, в 1958 г., в обновленной редакции.

Писатель изобразил в этой повести время революции и Гражданской войны. Иванов принадлежит к поколению людей, переживших этот бурный период, и основной темой большинства его ранних произведений была Гражданская война. Писатель уделял преимущественное внимание человеческой психологии, диалектике души. В те бурные годы, когда советские писатели учились изображать рождение нового мира и метались в поисках нового героя, выражающего социалистическую идеологию, Всеволод Иванов пытался найти решение жизненных и литературных проблем в восточной философии, включая буддизм. Неудивительно, что образ Будды и его учение занимают особое место в его повести «Возвращение Будды».

Сюжетная линия завязывается вокруг древней статуи Будды и ее перевозки с Запада, из России, на Восток – в Монголию. Одиноким профессор-востоковед Сафонов, живущий в Петрограде в тяжелых условиях, получает странное предложение – сопровождать в Монголию статую Будды, исконно принадлежавшую монголам. Наркомнац (Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР) собирался вернуть эту когда-то привезенную в Россию статую ее владельцам. Профессор Сафонов сначала скептически воспринял эту поездку и миссию (отвезти статую Будды монголам), но постепенно он начинает относиться серьезно к данному ему поручению. Путешествие в физическом пространстве превращается для Сафонова в духовное странствие.

Отношения Востока и Запада представлены писателем как оппозиция. Бурному движению Запада, приводящему к хаосу, он противопоставляет спокойствие и мерный внутренний распорядок Востока. Отпечаток этой коллизии ощущается и в самом герое, и в его путешествии-перемещении с Запада на Восток.

Е. А. Папкина замечает: «Своеобразие постановки проблемы Восток – Запад в художественном творчестве Вс. Иванова заключается в том, что идеи и образы появлялись в произведениях писателя в те исторические периоды, когда представители научной, философской, политической и эстетической мысли активно обсуждали эти вопросы» [Папкина, 2015, с. 22].

Поездка была трудной. Ехали они в вагоне-теплушке. За пределами теплушки начинается мир революции; теплушка становится и убежищем, и орудием духовного поиска. «Ночью на станциях солдаты воруют» [Иванов, 1991, с. 38]. Один за другим странные спутники Сафонова покидают его. Уходят из теплушки во внешний хаос революции и женщина, и монголы-солдаты, и даже гыген, настоятель монастыря, Дава-Дорчжи.

Описание поездки отличает исключительно мрачная тональность. Наступивший хаос сначала порождает у Сафонова чувство отчаяния:

Будет же что-нибудь выдвинуто в противовес этой неорганизованной тьме, этому мраку и буре? Неужели же кровь и смерть? Неужели такое же убийство, как и у них? Генералы будут вешать, расстреливать, грабить коммунистов... Коммунисты будут восставать и расстреливать генералов, и колокола будут звонить все меньше и меньше, буфера вагонов занесет снег... Дава-Дорчжи, для чего нам даны сердца? [Иванов, 1991, с. 50] –

вопрошает профессор Сафонов.

Постепенно среди этих враждебных сил Сафонов обретает порядок, покой и гармонию собственной внутренней жизни. Он ощущает, что укрепление одной души будет самой великой победой, одержанной над несущимися мимо них

тьмой и грохотом. Он осознает спокойствие все больше и больше. Таким образом, среди тьмы и хаоса реальной жизни Сафонов погружается в самосовершенствование и достигает гармонии своей духовной жизни.

Революция в повести Иванова представляет собой хаос, и перевозка статуи Будды символизирует крах цивилизации, попытку героя остановить бурю на Востоке (в Монголии), возродить там буддийскую идеологию покоя, мира и гармонии. Можно сказать, что по мере продвижения к Востоку у героя этой повести, как у самого Будды, начинается процесс поиска Нирваны. Он пробуждается, даже пребывая в хаосе. «Статуя Будды передается как музейная редкость, как национальное художественное сокровище» [Иванов, 1991, с. 30], но Сафонов смотрит на эту поездку шире – как на миссию во благо человечества:

Двигаясь все время, не размышляя о смысле движения, Европа пришла в тьму. Восток неподвижен, и недаром символ его – лотосоподобный Будда [Там же, с. 69–70].

Очень интересное замечание по данному поводу делает А. В. Подобрый: «Иванов четко маркирует разное понимание Пути, Дороги, Движения в культурах Востока и Запада. Для европейской культуры, культуры Запада характерно движение вперед, перемещение в физическом пространстве с максимальной скоростью. Для азиатской культуры – это путь познания, душевного и духовного просветления, познания Движения и его сути» [2008, с. 98].

Герой стремится к добру, стремится уберечь Восток от этого бессмысленного движения, доставив к месту назначения статую Будды – символ гармонии и мира.

Стремление Сафонова к добру отражается в его отношении к Дава-Дорчжи. Гуманность Сафонова проявляется в полной мере, когда Дава-Дорчжи заболевает тифом. Сафонов ухаживает за человеком, который обманывал его. Голодный, он отдает ему пищу, несмотря на то что Дава-Дорчжи не колебался есть тайком от Сафонова, когда тот оставался голодным. Сафонов даже меняет свое обручальное кольцо на еду для Дава-Дорчжи.

Сафонов как бы странствует по пути Нирваны в ходе этой поездки. Исчезает его индивидуальное «Я» – *анатма*. В нем появляются покой и терпимость. Если в начале поездки хорошо видны некоторые страсти и привязанности (к еде, к женщине), то к концу он становится равнодушным ко всему мирскому, освобождается от всяких пристрастий. Он становится человеком с полным самоконтролем. Целью его жизни теперь является работа на благо других. Милосердие является одной из важных черт буддийской идеологии. Очень важен для буддистов принцип *ахимсы* – нанесение вреда другим существам, который исповедует и Сафонов. Высказывание Сафонова: «Никогда не злись на дорожного спутника» [Иванов, 1991, с. 46] – также есть проповедь непротивления злу. Сафонов совершенствуется в своем духовном странствии разные принципы буддизма, которые помогают духовному становлению и обретению спокойствия, и поэтому он может распоряжаться собой так, как он хочет.

Буддизм проповедует, что каждый человек испытывает страдание и проходит через страдание, от которого следует избавиться, и в этом состоит путь к Нирване. Сафонов проходит в поездке путь к Нирване. Многие моменты его жизни напоминают историю Сиддарты Гаутамы (Будды), которую рассказывает Дава-Дорчжи при первой встрече с профессором Сафоновым.

Однако Сафонов не смог спасти от этой бури самого себя. Метель революции и Гражданской войны уничтожила и его, и статую.

Погибает Сафонов, искалечена, ободрана и ограблена статуя Будды. Однако мы не можем считать это символом гибели цивилизации. Если соотнести эти события с жизнью Сафонова, то их можно рассматривать как следствие, карму – возмездие за некоторые проступки (Сафонов снимает со статуи Будды золотую проволоку, чтобы обменять на еду).

«Закон кармы утверждает, что все наши дела, слова и мысли формируют условия нашего существования в будущем и что каждый из нас испытывает последствия того, что он думал, говорил и делал в прошлом. Таким образом, закон кармы побуждает человека взять ответственность за свое нынешнее положение, а также за все свои жизни, простирающиеся в будущее» [Доржигушаева, 2013, с. 256].

Сходным образом Сафонов переживает происшедшее и оплакивает его: «Есть какое-то возмездие за наши поступки» [Иванов, 1991, с. 59]. Чувство покаяния ведет к тому, что хорошая карма станет путем хорошей жизни в следующем рождении. Дух не умирает – умирает тело.

Антиподом профессора Сафонова является в повести монгол Дава-Дорчжи, которого считают воплощением Будды. В начале повести он предстает очень вежливым, но по мере разворачивания событий он оказывается далеким от духовности, лицемерным человеком. Статуя Будды на самом деле интересует его не как культурная ценность, а как товар, предмет купли-продажи. И он, и мужики без колебаний «сорвали проволоку и сдирают позолоту» со священной статуи. «За золото Будды мужики приносят мешок мерзлых булок, меру картофеля и дров» [Там же, с. 57].

Дава-Дорчжи представляет тот слой лживых гуру, целью которых является благо себе, а не другим. К сожалению, таких до сих пор немало в этом мире, а наивные люди, такие как женщина в теплушке, слепо верят им.

Если для Сафонова статуя Будды была средством духовного постижения, то для Дава-Дорчжи и его товарищей она – лишь товар. Соответственно кому-то статуя Будды кажется воплощением некой высшей силы, а кому-то – конкретным материальным предметом, служащим для удовлетворения земных страстей и потребностей. Любая страсть губит человека. Автор показывает деградацию и одичание Дава-Дорчжи, и это отражается в его поведении и речи. Он становится жадным, бранит человека, который бескорыстно ухаживал за ним, когда тот заболел («сволочь ты этакая», «старая карга» [Там же, с. 62]). Дава-Дорчжи по-звериному «хватает зубами молоко, льет его себе на шею и с шеи скребет ладонями в рот» [Там же, с. 62].

Г. А. Сорокина замечает: «Вс. Иванов вводит в повесть элементы мистики, связанные с буддизмом. Неуловимо тонкими приемами он создает впечатление, что дух Будды покинул недостойного Дава-Дорчжи и вселился в Сафонова, обнаружившего верность долгу и преданность идеям буддизма. Следует при этом отметить, что мистические аспекты не воспринимаются однозначно, они могут получить вполне реальную трактовку: два героя – две позиции, выполнение долга и отказ от него. Автор здесь тонко скользит на грани реального и мистического» [Сорокина, 2016, с. 161].

Страдание в повести показано через холод, голод, тьму, туман, снега, беспорядок. Повторение этих слов подчеркивает интенсивность страдания. Подолгу голо-

дая, Сафонов научился «обманывать» голод: «Зубы нужно сжимать плотнее, – вкус пищи тогда долго держится в нёбе и деснах» [Иванов, 1991, с. 52]. Суровость природы хорошо передана экспрессией слов: «...воплей не хватит на такие морозные туманы, вьюги и снега» [Там же].

По верному замечанию Л. Н. Дарьяловой, Иванов в этой повести ввел элементы описания природы и физического состояния человека ради передачи воплощения страданий в реальной жизни. «Вс. Иванов фокусирует свое внимание на разрушении всего и вся, на страданиях живой плоти» [Дарьялова, 2000, с. 175].

В повести звучит важная для писателя мысль:

...революция научила нас великому чувству, не правда ли, – это стыдиться богатства. И чем дальше революция продлится, тем все глубже и глубже будет это чувство, и это самое важное в мире. От этого чувства появился Будда... [Иванов, 1991, с. 31].

Несмотря на то что социализм отвергает религию как институциональное вероисповедание, он не удаляет из жизни все то, что содержала в себе религия. Всякая религия, в сущности, проповедует гуманизм, веротерпимость и милосердие, что отчасти сходится с социалистической идеологией. Социализм стремится удовлетворить жизненные потребности человека, как этого требует и гуманная народная, человеческая религия. С этой точки зрения социализм не противостоит вероучению Будды.

В заключение хотелось отметить, что повесть «Возвращение Будды» является одним из лучших произведений Иванова. Это сознавал и сам автор: «Пришел я к убеждению, что все, что я раньше написал – ерунда. Не так работать надо. И новым методом написал “Возвращение Будды”», – говорит он в письме к Горькому 14 марта 1923 г. [Иванов, 1985, с. 16]. Е. А. Краснощекова отмечает своеобразие этой повести. Она говорит, что в повести «Возвращение Будды» «...происходит резкая смена творческой манеры Иванова. Иванов переходит от описания партизанской вольницы к изображению тонких нюансов человеческой психологии, человеческого подсознания» [Краснощекова, 2002, с. 141]. Эти психологические оттенки показаны при помощи разнообразных символов, включая буддийские. Герой старается уберечь древнюю цивилизацию от разрухи.

В годы Гражданской войны Индия, по словам исследователя и внучки писателя, Елены Алексеевны Папковой, стала для Всеволода Иванова страной высших проявлений духа и свободы [Папкова, 2008, с. 160]. Увлечение Востоком, и особенно буддизмом, можно сказать, вытекает из уникального расположения его родного края, являющегося частью Евразии, местом слияния европейского мира и азиатской культуры, где когда-то процветал буддизм. К восточному духовному миру он обратился тогда, когда ощутил крах духовной жизни Запада.

Статуя Будды в повести олицетворяет мудрую философию буддизма, распространение которой, по мысли писателя, могло бы спасти разлагающийся Запад и разоренную Россию от огня революционного движения и гражданской войны.

Всеволод Иванов ощущал, что благо человечества возможно лишь тогда, когда каждый член общества пройдет путь духовного самосовершенствования. Общество, государство не могут процветать без духовной эволюции его граждан. Следует избавиться от разрушительной силы войны и стараться создать новое общество по гуманным принципам буддизма – *ахимсы, анатмы, нирваны*.

Список литературы

- Бекметов Р. Ф. Несколько замечаний к проблеме «Буддизм и русская литература XIX века» // Филология и культура. 2013. № 3 (33). С. 172–176.
- Дарьялова Л. Н. Газданов и мировая культура: «Возвращение Будды» Газданова и «Возвращение Будды» Вс. Иванова: опыт художественной интерпретации // Газданов и мировая культура: Сб. науч. ст. Калининград: КГТ, 2000. С. 175–187.
- Доржигушаева О. В. Экологическая этика буддизма // Биосфера: Междисциплинарный научный и прикладной журнал. 2013. Т. 5, № 2. С. 254–272.
- Иванов Вс. Переписка с А. М. Горьким. Из дневников и записных книжек. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1985. 480 с.
- Иванов Вс. Возвращение Будды. Чудесные похождения портного Фокина. У. М.: Правда, 1991. 480 с.
- Иванов Вяч. Вс. Никому не известный писатель Всеволод Иванов // Вопросы литературы. 2010. № 4. С. 387–408.
- Иванова Т. В. «Надо всё-таки, чтобы чувствовалась боль...» // Иванов Вс. Похождения факира. М.: Правда, 1990. С. 3–14.
- Краснощечкова Е. А. Поиски, несозвучные эпохе («Закат» И. Бабеля, «Блокада» Вс. Иванова) // XX век и русская литература: Alba Regina Philologiae: Сбю в честь 70-летия Г. А. Белой / Отв. ред. Ю. Троицкий; ред.-сост. В. И. Тюпа. М.: РГГУ, 2002. С. 140–149.
- Папкова Е. А. «Из Индии в Сибирь»: возвращение Всеволода Иванова // Сибирские огни. 2008. № 5. С. 160–163.
- Папкова Е. А. Сибирские источники прозы Вс. Иванова начала 1920-х годов // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 17–26.
- Подобрий А. В. Принципы создания поликультурного пространства в повести Вс. Иванова «Возвращение Будды» // Мировая литература в контексте культуры. 2008. № 3. С. 98–100.
- Слоним М. Л. Всеволод Иванов // Слоним М. Л. Портреты советских писателей. Paris: Парабола, 1933. С. 62–73.
- Сорокина Г. А. Повесть Вс. Иванова «Возвращение Будды»: идеи революции и буддизма // Вестник Калмыцкого ун-та. 2016. № 2 (30). С. 156–163.

References

- Bekmetov R. F. Neskol'ko zamechaniy k probleme "Buddizm i russkaya literatura XIX veka". In: *Filologiya i kul'tura [Philology and Culture]*, 2013, no. 3 (33), p. 172–176. (in Russ.)
- Dariyalova L. N. Gazdanov i mirovaya kul'tura: "Vozvrashhenie Buddy" Gazdanova i "Vozvrashhenie Buddy" Vs. Ivanova: opyt khudozhestvennoy interpretatsii. In: *Gazdanov i mirovaya kul'tura [Gazdanov and world culture]*. Collection of scientific articles. Kaliningrad, KGT Publ., 2000, p. 175–187. (in Russ.)
- Dorzhiushaeva O. V. Ekologicheskaya etika buddizma. *Biosfera: Mezhdistsiplinarny nauchny i prikladny zhurnal [Biosphere: Interdisciplinary scientific and applied journal]*, 2013, vol. 5, no. 2, p. 254–272. (in Russ.)
- Ivanov Vs. Perepiska s A. M. Gor'kim. Iz dnevnikov i zapisnyh knizhek [Correspondence with A. M. Gorky. From diaries and notebooks]. izd. 2nd ed. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1985, 480 p. (in Russ.)

Ivanov Vs. *Vozvrashhenie Buddy. Chudesnye pohozhdeniya portnogo Fokina. U* [The Return of the Buddha. Wonderful adventures of the tailor Fokin. U]. Moscow, Pravda Publ., 1991, 480 p. (in Russ.)

Ivanov Vyach. Vs. Nikomu ne izvestnyj pisatel' Vsevolod Ivanov. *Voprosy literatury* [Questions of Literature], 2010, no. 4, p. 387–408. (in Russ.)

Ivanova T. V. “Nado vsjo-taki, chtoby chuvstvovalas' bol'...” In: Ivanov Vs. *Pokhozhdeniya fakira* [The adventures of a fakir]. Moscow, Pravda Publ., 1990, p. 3–14. (in Russ.)

Krasnoshchekova E. A. Poiski, nesozvuchnye epohe (“Zakat” I. Babelja, “Blokada” Vs. Ivanova). In: *XX vek i russkaya literatura: Alba Regina Philologiae* [20th century and Russian literature: Alba Regina Philologiae]. Collection in honor of the 70th anniversary of G. A. Belaya. Eds. Yu. Troitsky, V. I. Tyupa. Moscow, RSHU Press, 2002, p. 140–149. (in Russ.)

Papkova E. A. “Iz Indii v Sibir’”: vozvrashchenie Vsevoloda Ivanova. *Sibirskie ogni* [Siberian Lights], 2008, no. 5, p. 160–163. (in Russ.)

Papkova E. A. Sibirskie istochniki prozy Vs. Ivanova nachala 1920-kh godov. *Siberian Journal of Philology*, 2015, no. 3, p. 17–26. (in Russ.)

Podobry A. V. Printsipy sozdaniya polikul'turnogo prostranstva v povesti Vs. Ivanova “Vozvrashhenie Buddy”. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury* [World literature in the context of culture], 2008, no. 3, p. 98–100. (in Russ.)

Slonim M. L. Vsevolod Ivanov. In: Slonim M. L. *Portrety sovetskikh pisateley* [Portraits of Soviet writers]. Paris, Parabola, 1933, p. 62–73. (in Russ.)

Sorokina G. A. Povest' Vs. Ivanova “Vozvrashhenie Buddy”: idei revolyutsii i budizma. *Bulletin of the Kalmyk University*, 2016, no. 2 (30), p. 156–163. (in Russ.)

Сведения об авторе

Банерджи Ранджана – доктор филологических наук, профессор, заведующий Центром русских исследований Университета им. Джавахарлала Неру (Нью-Дели, Индия)

ranjanab1992@gmail.com

Information about the Author

Ranjana Banerjee – Professor and Chairperson of the Centre of Russian Studies, Jawaharlal Nehru University (New Delhi, Republic of India)

ranjanab1992@gmail.com